

К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРЯ АРТАВАЗДА II

А. А. СТЕПАНЯН

Артавазд II (56—34 гг. до н. э.)—одна из самых блистательных и в то же время трагических фигур в истории древней Армении. Тонкий политик и литератор, мужественный воин и мыслитель—свидетель наивысшего расцвета и упадка армянской державы, окончивший свой жизненный путь в позорном плену.

Где же ключ к пониманию «ребуса царя Артавазда»? Вот уже около ста лет исследователи ищут его в тех внешнеполитических обстоятельствах, в которых оказалась Великая Армения во второй половине I в. до н. э. Чтобы сохранить свой государственный суверенитет ей приходилось лавировать между двумя могущественными соседями—Римом и Парфией¹. Такой подход, дав немало положительных результатов, не ответил на многие вопросы как биографии Артавазда, так и истории его царствования. Они по сей день вызывают удивление исследователей: по какой причине Марку Антонию, вторгнувшемуся в 34 г. до н. э. в Армению, не было оказано более или менее организованное военное сопротивление; как он смог почти беспрепятственно арестовать армянского царя и его семью, захватить его сокровища и увести с собой в Египет; где же были армянские войска, которые, по общему мнению античных авторов, представляли весьма значительный военный потенциал?

В данной работе мы попытались ответить на эти вопросы, рассматривая жизнь и царствование Артавазда II в широком контексте истории армянского общества, начиная с III в. до н. э. Как известно, в эту пору окончательно утвердился городской уклад жизни, вызвавший коренные перемены в традиционной структуре общности и общественного сознания древних армян. Другими словами, предлагаемый нами подход требует измерить фигуру царя Артавазда критериями внутренней жизни армянского общества. Заметим, что античные авторы вовсе не заботились об этой стороне дела, и это вполне закономерно, ибо они не писали историю Армении.

1. *Социальная ситуация в эллинистической Армении.* Она в значительной степени определялась реалиями урартского и послеурартского периода истории.

¹ 1. Ա տ ա ռ յ ա ն. Քաղաքական վերաբերությունները ընդ մեզ Հայաստանի և Հռոմի մ. Վենետիկ, 1912, էջ 96—120; 2. Մ ա ն ա ն ղ յ ա ն. Քննական ախտախոն Կաթողոսոսութիւն.—Յրկհր, հ. 1, Երևան, 1977, էջ 256—278; 3. Մ ա ռ զ ա յ ա ն. Հայաստանը Արաւ-վազդ Բ-ի և նրա հաջորդների ժամանակաշրջանում.—ՀժՊ, հ. 1, Երևան, 1971, էջ 603—623. Т. Моммзен. История Рима. Т. 5, М., 1941, с. 328—335. I. K r o m e y e r. Kleine Forschungen zur Geschichte des II Triumvirats. Hermes XXX (1896), S. 83—87; A. G ü n t h e r. Beiträge zur Geschichte der Kriege den Romern und Parthern. Berlin, 1922, S. 50—67; K.-H. Ziegler. Die Beziehungen Zwischen Rom und der Partherreich. Wiesbaden, 1964, S. 43—48; N. Debevoise. A political history of Parthia. N. Y., 1968, p. 121—136.

Урарту—пример так называемой дворцовой цивилизации, городские центры которой выступали «...как государевы станы, как нарост на экономическом строе в собственном смысле»². Со своим раздутым штатом администрации, воинов и жрецов эти центры (Тушпа, Менуахшили, Аргиштихинили, Эребуни, Теншебаини и др.) представляли паразитический социально-экономический организм, который базировался на широкой сети деревенских общин. Все стороны жизнедеятельности последних были строго регламентированы и подчинены диктату, идущему из города.

Ослабленное внутренними противоречиями Урартское государство пало под ударами внешних врагов в начале VI в. до н. э. Удары пришлись главным образом по городским центрам: они были разграблены и пришли в глубокий упадок.

В послеурартский период в Армении наблюдался повсеместный регресс городской жизни. На первый план всплыли общинно-территориальная и протогородская структуры; общество как бы возвратилось к своей исходной точке, где ему предстояло заново «изобрести» централизованное государство и его вещественные приатки³.

Этот процесс получил сильный импульс в середине III в. до н. э., когда усилиями Ервандидов была восстановлена независимость Армении от селевкидского господства. Началось небывалое дотоле развитие городов, которое некоторыми исследователями (правда, с известной долей преувеличения) именуется «городской революцией». Новые городские центры Армавир, Аршамашат, Ервандашат, Ервандакерт и др. в корне отличались от городов Урарту. Они представляли городскую культуру эллинизма, предполагавшую свободу и равноправие производителей-собственников, объединенных в самоуправляющиеся городские общины.

В результате подобного развития город и государственная структура постепенно наслаивались на традиционную общинно-родовую структуру, и внутренняя жизнь армянского общества стала во многом определяться их борьбой-симбиозом⁴. Этот противоречивый процесс нашел отражение во всех сферах общежития и в первую очередь в производственно-трудовой.

Общинно-родовая структура представляла традиционное земледелие, где природные и социальные предпосылки труда участвовали в своей естественной стихии: индивид только лишь приспособлялся к их вечному ритму. Поэтому между ними были возможны только отношения субстанции и акциденции, господства и подчинения. Следы подобных представлений можно найти в языковом мышлении: армянское слово *աշխատիք* (=греч. *πράξις*) в своем семантическом поле охва-

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 470.

³ Сказанное полностью совпадает с описанием Армении, оставленным Ксенофоном на основании его собственных наблюдений во время знаменитого отступления десяти тыс. греческих наемников через эту страну к Понту Эвксинскому. Хеп. Апаб. IV, 3, 4, 5, 18.

⁴ Именно противоречивость и продолжительность подобного рода процессов имел в виду Ф. Энгельс, отмечая, что государство развилось «... частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов и, в конце концов, полностью заменив их настоящими органами государственной власти». Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 109.

тывает довольно широкий спектр значений—«труд», «унижение», «мука», «усталь» и т. д.⁵

Городская же структура представляла труд ремесленника, в котором природные предпосылки больше не действовали в своей естественной стихии. Они контролировались индивидом и направлялись на производство таких предметов, которых не было в природе. Это привело к нарушению вышеуказанных отношений господства и подчинения, открывая путь к творческому (индивидуальному) освоению действительности. Можно предположить, что в лексиконе древних армян подобный труд обозначался словом *գործ* (= греч. ποιησις)".

Как правило, результаты этой трудовой деятельности превращались в меновую стоимость, стимулируя рост обмена и торговли, денег и богатства, накопления и роскоши. На ее базе со временем образовалась целая экономическая структура, охватывающая города, царское хозяйство, хозяйство служилой аристократии (нахараров) и храмовых общин. Их всех объединяло производство прибавочного продукта и применение рабского труда.

Противоположность двух видов трудовой деятельности (*աշխատանք* ↔ *գործ*) предполагала противоположные формы общественного поведения и мышления. Первая из них предполагала самодовление, умеренность и общинно-родовую кооперацию, вторая—богатство, соперничество и индивидуализм. Качества эти с еще большей силой стали проявляться вследствие реформ царя Арташеса I (189—160 гг. до н. э.).

Основатель династии Арташесидов стал применять к общественной действительности творческий (в корне своем, ремесленный) труд, имея цель преобразить ее по заранее разработанной социальной программе. В соответствии с этим он подверг рационалистической систематизации и стандартизации самые разные области общежития древних армян: над всей территорией Великой Армении царь установил свою верховную власть, объявив ее *չօրս ձօրնդէտոս*; вместо родо-племенных правовых обычаев установил общеармянское государственное право; ввел территориально-административное деление страны, вытеснив (вернее, отодвинув на задний план) ее родо-племенное деление; провел земельную реформу, четко разграничив земельные наделы сельских общин, с одной стороны, с другой—царских, храмовых и частных владельческих дастанкертвов и агараков; установил гомоглотию, стандартизовав (очевидно, на базе одного из армянских диалектов) процесс языкового общения⁷.

Конечно, все это непомерно укрепило развивающуюся социально-экономическую структуру. Однако, есть все основания предполагать,

⁵ *ՀԱԲ*, т. 1, էջ 216.

⁶ *ՀԱԲ*, т. 1, էջ 583—584. Подобный анализ для древнегреческой действительности см.: А. М. Аарелайд. Античное представление о времени и его социально-историческая детерминация.—УЗТУ. Вып. 361, 1975, с. 130—136; J. P. Vernant. *Mythe et pensée chez les grecs*. Paris, 1971, p. 213—218.

⁷ Գ. Կ. Սիրգուշյան. Հաշիտանայի միավորումը և հարստումը Արտաշես Ա-ի օրոք.—*ՀԺՊ*, т. 1, էջ 526—542.

К сожалению, феномен армянской гомоглотии, о котором сообщает Страбон (Geogr. XI, 14, 5), не получил должного освещения. Оценивая гомоглотию, следует иметь в виду то обстоятельство, что в лексиконе древних греков она означала государственное урегулирование языковой сферы, наряду с другими сферами общежития. В общегреческих масштабах она была достигнута лишь в начале эллинизма, когда аттический диалект был признан основой *κοινή*. И. М. Троицкий. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973, с. 6.

что Арташес I окончательно не порвал с традиционной родо-племенной структурой. Скорее всего, он пытался создать между ними некий динамический баланс.

Этот курс наиболее рельефно стал проявляться в период правления Тиграна II Великого (95—56 гг. до н. э.). Созданная им мировая империя резко стимулировала рост городов и торговли (в том числе и международной), богатства и роскоши. Расширение для нужд империи корпуса военно-служилой аристократии привело к росту частновладельческого земледелия. То же самое следует сказать и о храмах: источники сообщают об особом отношении Тиграна II к храмовым общинам, что выразилось в передаче им в собственность больших земельных угодий, рабов, богатств.

Словом, налицо все основания говорить о том, что при Тигране II водораздел между двумя социально-экономическими структурами армянского общества еще больше углубился. Но, подобно своему знаменитому предшественнику, этот царь также стремился найти модус их балансирования. И, как увидим далее, важную роль в этом деле он отводил политическим механизмам.

2. *Политическая ситуация в Армении во II—I вв. до н. э.* Она характеризовалась двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, укреплением государственной власти и ее отчуждением от массы народа, с другой—живучестью родо-племенных институтов и их приспособлением к условиям централизованного государства.

Первая тенденция довольно хорошо засвидетельствована в античных и средневековых армянских источниках. В полную силу она стала проявляться уже в вышеуказанных реформах Арташеса I: после установления общеармянского государственного права ему предстояло предпринять следующий, хрестоматийный для эллинистической политической этики шаг—объявить себя неписанным законом страны (*νόμος ἔμφυτος*). Далее следовал такой же хрестоматийный шаг—реализовать этот закон в различных областях общежития посредством бюрократического аппарата правления⁸.

Тигран II пошел дальше путем абсолютизации и теоретизации своей власти. Он принял титул *βασιλεὺς βασιλέων*, который до сих пор в арменоведении трактуется в буквальном смысле—царь, под властью которого находится множество других царей. Между тем это далеко не так: данный титул представлял суперлатив от слова «царь» и имел значение «наивеликий царь». Как показывают исследования, с древнейших времен так обращались только к верховным божествам. Впоследствии (с эпохи Ассирии) этот титул стал постепенно распространяться и на земных правителей, указывая в первую очередь на божественное происхождение их власти⁹. Верховный правитель Востока, каковым себя считал Тигран II, претендовал на непосредственную связь со сферой божественного логоса. Оттуда он получал «мандат» правления.

С названным титулом непосредственно связан и другой титул Тиграна II—*θεός*. Он зафиксирован на многочисленных драмах и тетрадрамах и подтверждается свидетельством римского историографа Помпея Трога, где обращается внимание на то, что царь имел проз-

⁸ E. Goodenough. The political philosophy of hellenistic Kingship.—YCS I (1928), p. 59—60.

⁹ J. Griffiths. Βασιλεὺς βασιλέων: Remarks on the history of a title.—CPh. XLVIII (1953), p. 149—153.

вище „бог“ (Tigranes cognōmine Deus.)¹⁰. Вследствие этого правление армянского царя отождествлялось с божественным актом создания — спасение (σωτηρία), благотворение (εὐεργεσία), великодушие (μεγαλοψυχία) и справедливость (δικαιοσύνη)¹¹.

Выделенный нами другой аспект политической ситуации в эллинистической Армении, который связан с функционированием родо-племенных институтов, конкретно почти не изучен. Это в первую очередь относится к общearмянскому народному собранию (ашхаражохов), которое раз в году, в месяце павасард, собиралось у священной горы Нифат (ср. древнеиран. nafa—«кровно-родственный коллектив», а в широком смысле—«народ»).

Своими корнями ашхаражохов уходил в глубокую древность, представляя собой неотъемлемый элемент родо-племенного быта, который, помимо чисто практической активности, предполагал напряженную речевую активность всех полноправных (способных носить оружие) членов начального сообщества людей (н.-е. vis > vas > vast)¹². Активность эта протекала в русле мифологических антиномий: мужское—женское, верх—низ, добро—зло, мы—чужие, говорящие (разумные)—немые (неразумные) и др. И каждый раз, при решении любого вопроса, сознание отталкивалось от негативного компонента антиномий, утверждая конструктивное начало жизнедеятельности коллектива. Как нам кажется, следы подобной практики сохранились на уровне языкового мышления: армянское слово *աճրաշինիկ*—«злословить», «обвинять»=«отклонять»—восходит к указанному индоевропейскому корню vast¹³. Его несохранившийся позитивный коррелят должен был выглядеть в виде *աճրաշինիկ* (ср. греч. *βασταίνω*) со значением «восхвалять», «возвеличивать»=«принимать».

Наглядным олицетворением антиномической картины мира в архаическом сознании выступало Древо жизни (или мира). Кроной своей оно достигало неба, а корнями уходило глубоко в преисподнюю¹⁴. Расстояние между этими полюсами составляло расстояние между днем и ночью, жизнью и смертью, добром и злом.

Согласно древним представлениям, это—путь солнца, который в состоянии преодолевать только лишь редкие живые существа. Среди них древние индоевропейцы особо выделяли Орла (*H₂os), которому

¹⁰ Rom p. Trog. Prol XLII.

¹¹ E. Goodenough. Op. cit., p. 65—68; E. Zeller. Grundriss der griechischen Philosophie. Leipzig, 1914, S. 155—156; T. Sinclair. A history of Greek political thought. London, 1952, p. 146—148.

¹² Он восходит к начальному н.-е. корню *Ue/oik^{h1} со значением «дом=род=племя». Ср.: Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2, Тбилиси, 1984, с. 538; E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. T. I (économie, parenté, société). Paris, 1969, p. 294; I. Pokorny. IEW. Bd. I. Bern, 1959, S. 1151.

¹³ В своем этимологическом словаре армянского языка проф. Ачарян не находит приемлемое объяснение слову *աճրաշինիկ*. *ՀԱՐ*, т. 1, էջ 148.

¹⁴ В. П. Топоров. Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросами о семантике космологических представлений.—ТЗС. Т. 2, 1965, с. 221—231; Он же. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового древа».—ТЗС. Т. 5, 1971, с. 20—62; Он же. Древо мира.—МНМ. Т. 1, М., 1982, с. 336—406; В. Guibénine. Cosmic tree in Veda and tamil mythology.—JIS XII (1984), p. 367—374.

они приписывали космотворческие функции¹⁵. Как правило, эта птица ими изображалась в двух противоположных ипостасях—одна, сидящая на кроне Древа, другая—на его корнях.

Любопытно заметить, что эти представления также нашли отражение в армянском языке. Платан, издревле считавшийся в Армении предметом почитания, в армянском обозначается словом *պլա* (диал. форма *հռի*), которое, нам кажется, вполне сопоставимо с указанным индоевропейским названием орла. Иначе говоря, платан—символ структуры мира и народного собрания—в лексиконе древних армян дословно означал «древо орла»¹⁶.

Под знаком Древа и Орла протекали навасардовские празднества: конец года, солнечный цикл приходил к завершению, в результате чего «изнашивалась» привычная космологическая и социальная структуры; антиномические полюсы предельно приближались друг к другу, создавая иллюзию возврата к «началу всего сущего»; на его основе моделировалось начальное социальное состояние, где преобладал охотническо-скотоводческий быт равенства и справедливости; рушились социальные преграды, и все полноправные члены общества соприкасались с коллективной прерогативой решать важные вопросы, стоящие перед ними; временно потеряв достоинства верховной власти, царь-предводитель, как охотник, совершал охоту на священных косуль и оленей¹⁷.

Однако очень быстро проходили дни навасардовской социальной инверсии. После нее все сразу возвращалось на свои места. Идеальный полюс «начала всего сущего» уходил в глубь веков; обновлялась как космологическая, так и социальная структура; антиномические полюсы снова отдалялись друг от друга, и Древо жизни символизировало вновь восстановленное между ними пространство; как результат всего этого—ашхаражохов снова наделял царя-предводителя достоинствами верховной власти.

Одним словом, жизнь в начальном сообществе древних армян протекала по замкнутому временному циклу, который имитировал природный годовой цикл (=движение солнца). С этим циклом тесно связывался круговорот движения царской власти, в течение которого друг друга периодически сменяли всевластие и безвластие, отождествляемые с противоположными полюсами Древа жизни. Движущей силой этого антиномического движения была коллективная воля начального сообщества людей.

Институт ашхаражохова из родо-племенного быта проник в среду общенационального государства. Доказательством тому в первую очередь могут послужить *insignae regis* армянских Арташесидов, которые лучше всего засвидетельствованы на их многочисленных монетах. Цари этого правящего дома, как известно, носили двойную корону—диадему и тиару. Они символизировали разные аспекты правового обоснования их власти. Диадема, в частности, указывала на то, что ее владелец в сообществе государств эллинистического мира признан как суверенный и равноправный правитель. Что касается тиары, то

¹⁵ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Указ. соч. Т. 2, с. 537—538; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Орел.—МНМ. Т. 2, М., 1982, с. 258—260; E. Stecke. Indogermanische Mythologie. Leipzig, 1921, S. 57.

¹⁶ Этому слову проф. Ачарян также не находит приемлемого объяснения. *ՀԻՐ*, т. 3, էջ 617.

¹⁷ Об этом более обстоятельно речь идет в другой нашей статье. A. Stepanian. The structure and history of the world in the mythical thinking of ancient Armenians. — REARM (в печати).

она, будучи исконно армянским символом, указывала на местное происхождение власти правителя¹⁸.

Именно эта сторона вопроса и интересует нас. При рассмотрении тиары Арташесидских правителей в первую очередь обращает на себя внимание изображение двух орлов: они стоят, повернувшись друг к другу спиной, и их головы, смотрящие назад, обращены к восьми-конечному символу солнца, который помещен между их фигурками. Нет сомнения, что перед нами символический текст, отражающий связь власти армянских царей с родо-племенной традицией годового круговорота солнца, природы, социального организма, Древа жизни, ашхаражохова. Даже самые могущественные правители-Арташесиды подчинялись этому ритму и, периодически (ритуально) теряя свою власть, снова обретали ее благодаря коллективной воле ашхаражохова. Его участники (полноправные члены армянского общества) составляли основу военного контингента государства.

Указанное в полной мере относится и к Тиграну II: как правило, он на своих монетах изображается в тиаре с описанной символической системой. Однако на тех же монетах он называет себя βασιλεύς Ἰστανίων и θεός, т. е. объявляет свою власть абсолютной и отрицает ее зависимость от реалий земной жизни. Может показаться, что мы имеем дело с непреодолимым парадоксом, но это вовсе не так: власть армянского царя носила ситуационный характер—она была абсолютной в отношении его горцакалов и иноплеменных подданных, а в отношении большинства армян—ограничена народным собранием.

В этом отношении намечаются явные параллели между политикой армянского царя и Александра Македонского. Объединив под своим началом все страны от Балканского полуострова до Индии, этот великий государственный муж не стремился всюду унифицировать свою власть. В глазах подданных он выступал по крайней мере в трех ролях: для македонян он был царем-военачальником, власть которого ограничивалась сходящей войска, для греков—выборным гегемоном общегреческой (Коринфской) симмахии, для жителей Востока—наследником Ахеменидских царей, власть которого имела божественную санкцию¹⁹.

Соблюдение баланса между названными ролями, несомненно, было связано с большими политическими усилиями. Судя по всему, Тигран II успешно справлялся с данной задачей. К сожалению, это вряд ли можно сказать о его сыне и преемнике Артавазде II.

3. *Социо-политическая ситуация в Армении при Артавазде II.* На основе вышеизложенного приступим к освещению основной тенденции внутренней политики этого правителя. Далее, сочетав полученные результаты с реалиями его внешнеполитического курса, постараемся дать ответ на «ребус царя Артавазда».

Последние годы правления Тиграна II для армянского общества ознаменовались весьма серьезными потрясениями. Под ударами римской военной машины пала мировая империя, и власть армянского царя стала ограничиваться пределами Великой Армении. Как и следовало ожидать, это вызвало нарушение сложившегося социо-политического баланса.

¹⁸ А. Stépanian. Le traité de Randée et le couronnement de Tiridate l'Artsacide a Rome.—REArm. XI (1975—1976), p. 211—214.

¹⁹ P. Jouguet. L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. Paris, 1926, p. 58; F. Schachtermayr. Alexander in Babilon und Reichsordnung nach seinem Tode. Wien, 1970, S. 24.

Пала империя: прекратился поток золота и рабов, идущий из подвластных стран в виде поборов или контрибуции, захирела международная торговля, ведущие городские центры страны переживали период экономических трудностей. Наряду с этим, по инерции сохранились довольно сильные военно-административная бюрократия и идеология абсолютной царской власти. Они стали функционировать в рамках сравнительно небольшого армянского государства, ложась тяжелым (экономическим, политическим, нравственным) бременем на традиционную общинно-родовую структуру армянского общества. Естественно думать, что это вызвало сильное сопротивление массы общинного крестьянства и части родовой аристократии: выступая на стороне крестьянства, последняя стремилась сохранить свои традиционные привилегии.

Можно предположить, что это столкновение охватило также и сферы духовно-культурной жизни общества, выступая в виде оппозиции космополитизма и трибоцентризма, эллинофильства и эллинофобии, театра и эпоса, философии и мифа, греческого и армянского и т. д.

Данным построением вряд ли можно отказать в логичности. Но этого явно недостаточно для того, чтобы видеть в них адекватное отражение исторической действительности. Нужны подтверждающие их конкретные факты, которых, как уже отмечалось, нет в нарративных источниках. К счастью, это не относится к данным нумизматики, которые своей достоверностью никак не уступают последним.

Среди монет, выпущенных Артаваздом II, есть одна тетрадрахма, которая резко отличается от других. Найдена она в 1959 г. в селе Паракар и, как установлено, относится к восемнадцатому году правления царя, т. е. к 39—38 гг. до н. э. Обращает на себя внимание архаическая (лингвистическая и этическая) стилизация ее легенды: ΑΡΤΑΥΑΖΔΕΩ вместо ΑΡΤΑΥΑΖΔΟΥ, θεός вместо θεός. Однако важнейшее отклонение наблюдается на тиаре армянского царя: здесь не фигурируют традиционные орлы; вместо них по обеим сторонам восьмиконечного символа солнца тщательно выведены растительные орнаменты²⁰.

В свете вышеизложенного политико-идеологический смысл такого отклонения от нумизматического стандарта не вызывает особых сомнений: на восемнадцатом году своего правления Артавазд II решил порвать с пережитками родо-племенной демократии, отказываясь, в первую очередь, от практики периодического созыва общеармянского ашхаражохова. Он стремился абсолютизировать свою личную власть, еще больше усилить и отчуждать государственный аппарат от массы народа. Выражаясь терминологией греческой политической этники, в своей внутренней политике армянский царь перенес акценты исключительно на силу (κράτος) и закон (νομός), отказываясь от убеждения (πίθος) и нравственно-правовых обычаев (ἔθωρος)²¹. В результате этого его правление стало носить характер диктатуры, а государство—военно-политической ситуации. Вне всякого сомнения, этот процесс происходил на фоне сильных внутривнутриполитических потрясений, в которых по-

²⁰ Данную тетрадрахму впервые опубликовал и обстоятельно проанализировал Х. А. Музегян. *Խ. Ա. Մուսեղյանի Արտաշատի II-ի շրջադարձային-ստանդարտային հանդես», 1964, № 2, էջ 317—322; P. Bedoukian. Coinage of the Artaxiads of Armenia. London, 1978, p. 69.*

²¹ V. Ehrenberg. *Der Staat der Griechen*. T. I, Leipzig, 1957, S. 38; K. Welwei. *Könige und Königtum im Urteil des Polybios*. Köln, 1963, S. 97—99.

литическим оппонентом царя выступала возглавляемая родовой аристократией масса общинного крестьянства.

Подтверждаются также и наши предположения относительно портретов духовно-культурного плана: архаичская стилизация легенды рассматриваемой тетрадрахмы—несомненный акцент эллинофильской «изысканности» царя и его окружения, которой противостояла «грубая» эллинофобия массы народа.

Мы конкретно ничего не знаем о том, как шла эта борьба, каких лидеров она выдвинула с той и другой стороны, какие были столкновения, интриги и жертвы. Источники дают нам возможность судить о ее некоторых результатах в преломлении внешнеполитических событий, имевших место в середине 30-х гг. до н. э.

Как известно, этот период ознаменовался новой вспышкой внешнеполитической активности Рима на Востоке. Она была связана с инициативой Марка Антония—одного из членов второго триумvirата, получившего чрезвычайную власть над восточными провинциями империи. Он мечтал осуществить задуманный еще Цезарем план похода на Парфию, где важная роль приписывалась Великой Армении и ее военному контингенту²².

В 37 г. до н. э. в Армению прибыл военачальник Антония Канний Красс, и дружественные отношения между двумя государствами (установленные еще Гнеем Помпеем и Тиграном II) получили новое подтверждение²³. Весной следующего 36 г. до н. э., имея в своем распоряжении 16 отборных легионов и множество вспомогательных сил (ок. 100 тыс. солдат), Антоний прибыл в Армению. В районе Каринской равнины был устроен военный парад, на котором Артавазд II представил лишь 6 тыс. павидирной конницы и 7 тыс. пехоты, которые, очевидно, составляли царскую лейб-гвардию.

Где же были остальные 10 тыс. павидирной конницы и 20—25 тыс. пехоты, которых в свое время тот же Артавазд предлагал Марку Крассу? Исследователи не находят ясного ответа на этот вопрос²⁴. Либо эти силы по какой-то причине перестали существовать, либо они существовали, но больше не находились в распоряжении армянского царя. Первое предположение следует отклонить: у нас нет решительно никаких оснований утверждать, что в 50—40-х гг. до н. э. армянское государство потеряло большую часть своего военного контингента.

²² О Цезаревом плане похода на Парфию см.: Cicero. Ad Fam. XII. 9, 2. Suet. Vita divi Julii. 41, 3; Plut. Caes. 58, 1; Dio Cass. Hist. Rom. XLIII, 51, I. О месте Армении и армянских военных сил в планах римского командования подробнее см.: С. Г. Тер-Исраелян. Место армянской конницы в военном плане римского командования в связи с началом парфянского похода М. Антония.—ИТ АГПИ им. Х. Абовяна. Т. 2, Ереван, 1966, с. 105—119.

²³ Следуя «букве и духу» античных источников (Цицерон, Светоний, Иосиф Флавий, Плутарх, Дион Кассий, Аппиан и др.), мы склонны думать, что после Красса отношения между Великой Арменией и Римом были, скорее всего, законсервированы, но не прерваны, и что армянская сторона не принимала участия в антиримских походах парфянского царевича Пакора. По нашему убеждению, Артавазд II предпочитал поддерживать отношения одновременно и с Римом, и с Парфией. Этот политический курс стал общепризнанной реальностью спустя почти сто лет, после долгих и кровопролитных войн, в связи с воцарением Тиридата I (64 г. н. э.).

A. Stépanian. Le traité de Randée..., p. 206—210.

²⁴ Գ. Խ. Սարգսյան. Անտոնիոսի արևելյան արշավանքը և Հայաստանը.—ՀԺՊ, հ. 1, էջ 671; A. Günther. Op. cit. S. 52; N. Debevoise. Op. cit., p. 124—125.

Второе предположение полностью отвечает нашей реконструкции положения дел в Армении: названные военные силы, вероятнее всего, составляли народное ополчение, участники которого были одновременно и участниками ашхаражохова; в условиях столкновения с царской властью они, естественно думать, вышли из-под контроля и отказались принимать участие в походе против Парфии.

Заметим, что такой курс ни в коей мере не противоречил духу армяно-римских отношений. Как уже отмечалось, они были дружественными. Под «другом» же римское внешнеполитическое право видело частное лицо или государство (*amicus populi Romani*), которое вступало в равноправные политические и культурные отношения с Римом. Единственной его обязанностью было не помогать противникам Рима. Что касается его участия в военных предприятиях Рима, то оно решалось на добровольных началах. Подобное участие считалось обязательным для другой категории государств—союзников (*socius populi Romani*)²⁵.

Дружественной с Римом позиции придерживались, очевидно, также Иберия и Албания. Несмотря на то, что Канидий Красс после Армении посетил эти страны, об их участии в парфянском походе Антония источники решительно ничего не сообщают²⁶. Видимо, и в этом случае Канидия полностью удовлетворяли их заверения о неоказании военной помощи противоположной стороне²⁷.

Но вернемся к событиям парфянского похода. После каринского смотра войск Антоний решил не теряя времени вторгнуться через Армению в Атропатенское царство. Судя по всему, он был осведомлен о внутривосточном положении Армении и знал, что подавляющая часть ее военного контингента не будет принимать участия в походе. Потеря была, конечно, серьезная: с помощью армянской панцирной конницы он рассчитывал нейтрализовать действия парфянской. Но триумвир был слишком уверен в своей скорой победе и не стал прибегать к решительным мерам. По-видимому, было и другое немаловажное соображение: не дать повода оппонентам Артавазда II склониться к союзу с парфянами.

Что касается Артавазда II, то он, как можно предположить, на первых порах питал надежду с помощью Антония справиться со своими политическими противниками. Но, убедившись в лояльности последнего, царь стал все больше заботиться о собственной безопасности. Соответственно, стала угасать его заинтересованность в парфянском походе. Завершающим аккордом стал отказ царя от участия в нем после того, как римляне потерпели ряд крупных поражений, и неудачный исход войны принял отчетливые очертания²⁸.

²⁵ H. Neuman. *Amicus populi Romani*. RE, Erst. Reihe, 2 Hft. (1984), S. 1832. Сами римляне очень часто «путали», «смешивали» эти категории. Их цель была очевидна: путем урезаний прав союзных государств сделать их сначала подвластными Риму, а затем—его провинциями.

²⁶ Strabo. Geogr. XI, 14, 9; Just. Epit. XLII, 5, 3 Plut. Ant. 37—39, Dio Cass. XLIV, 25.

²⁷ H. Bengtson. *Zum Partherzug des Antonius*. BAW. 1974, H. 1. S. 22.

²⁸ Plut. Ant. 39; Dio Cass. Hist. Rom XLIV, 25. Принимая это решение, армянский царь, естественно, не мог совещаться с Антонием, находившемся в ту пору в Атропатене. Это и было уязвимым пунктом его поведения: союз против Парфии Антоний рассматривал как амикальное сообщество, члены которого, согласно римским обычаям, перед принятием важных решений были обязаны совещаться со своими сотоварищами. Cicero. In Verr. II, 17, 41.

Однако, Артавазд II не впал в другую крайность и не выказывал неприязни к римлянам. Он придерживался статуса «друга римского народа»: после того, как римляне в Атропатене потерпели полное поражение, и остатки их разбитых и деморализованных легионов оказались в пределах Армении, армянский царь, как об этом рассказывают античные авторы, оказал им щедрую материальную и моральную помощь. Если верить словам Плутарха, позицию Артавазда II понимали даже простые римские солдаты: после тягот многодневных переходов и постоянных налетов парфянской конницы, вступив на армянскую землю, они плакали и ликовали от сознания того, что пахотятся в дружественной стране, хотя и знали об отказе армянского царя принимать участие в их походе²⁹.

Сам Антонин показывал, что разделяет такое мнение. Но это не помешало ему в дальнейшем свалить всю вину поражения на плечи Артавазда II и объявить его «главным виновником войны». В таком же русле стала действовать и римская пропаганда, и версия об измене армянского царя вскоре стала официальной³⁰. И все сразу встало на свои места: были грандиозные стратегические планы, были огромные военные силы, был выдающийся военачальник, по победа не была достигнута из-за одного позорного предательства. Предатель— армянский царь Артавазд II—сущий тиран, которого ненавидит и собственный народ, мечтающий избавиться от его эгоизма и беззакония. Долг римлян—помочь армянскому народу в столь благородном деле.

Последние наши утверждения могут вызвать возражение—в источниках нет сведений о том, что после парфянского похода Антонин в своей политике по отношению к Армении делал ставку на местные оппозиционные силы. Это—правда, но правда только отчасти, так как не относится к нашим нумизматическим источникам. Говоря о них, мы в первую очередь имеем в виду серебряный денарий Антония, выпущенный в 35 г. до п. э. в Малой Азии³¹. В следующем 34 г. до н. э. во время военной экспедиции триумвира в Армению он был введен там в обращение. С этой целью Антония сопровождали многочисленные римские негодшанты, ибо монеты данной серии, кроме меновой ценности, имели и пропагандистскую ценность. Запечатленный на них символический текст отражал новую политическую концепцию Антония в отношении Армении.

Прежде чем приступить к анализу этого текста нам хотелось бы обрисовать обстановку, сложившуюся в Армении в период названной экспедиции. Она характеризовалась следующими противоположными моментами: с одной стороны, дальнейшей консолидацией антицарской оппозиции, с другой—изоляцией Артавазда II в области как внутренней, так и внешней политики. О степени этой изоляции можно судить по одному факту, передаваемому Дионом Кассием: в надежде упрочить свое положение армянский царь вступил в тайные сношения с Гаем Октавианом и вел с ним переписку³². Ему неоткуда было ждать

²⁹ Plut. Ant. 49.

³⁰ В этом деле особенно преуспел Кв. Деллий, «друг Антония»—беспринципный карьерист, поразительно легко менявший свои убеждения и методы действия. Seneca. Suasor. I, 7.

³¹ В. И. Степанян. Հայաստանի դրամական դանակը. Կ. 1, Երևան, 1973, № 122. M. Sydenham. The coinage of the Roman republic. London, 1952. p. 194.

³² Dio Cass. Hist. Rom. XLIX, 41, 5.

помощи, так как, несмотря на вражду с Антонием, парфяне к нему также относились крайне недоброжелательно.

Подобное положение дел как нельзя лучше отвечало намерениям римлян. После двух неудачных попыток завлечь в западную Артавазда II, весной 34 г. до н. э., Антоний прибыл в Малую Армению и оттуда, не встречая почти никакого сопротивления, вторгся в пределы Армении и вскоре разбил лагерь у стен ее столицы Арташата. Чувствуя, что сопротивление бесполезно, армянский царь явился к Антонию и без всяких объяснений был арестован. Такая же участь постигла и членов его семьи³³. Только старшему сыну царя Арташесу удалось избежать плена и со своими сторонниками найти убежище в Парфии³⁴.

Заковав армянского царя в серебряные цепи, согласно сведениям античных авторов, Антоний водил его по городам, крепостям и укрепленным пунктам. В большинстве своем они открывали перед ними двери и становились жертвой ненасытного грабежа римских солдат.

Что же делали в это время оппозиционные силы, в каких отношениях они были с Антонием? Ответ на этот вопрос во многом проясняется в свете символического текста названного римского денария. Его лицевая сторона не содержит ничего необыкновенного: здесь изображена голова Антония с легендой ANTONIVS. AVGVR. COS. DES. ITER. ET TERT. Обратная же сторона весьма необычна: здесь изображена корона армянских Арташесидов—тиара и диадема—под которой ясно очерчиваются лук и стрела. И легенда IMP. TERTIO III VIR. R. P. C.

Как видим, в надписях денария нет упоминания об Армении, и уж тем более, о ее захвате римлянами. Это заставляет более внимательно относиться к символической системе армянской короны.

Первое, на что хочется обратить внимание,—это изображение лука и стрелы. Исследователи интерпретируют его как символ римского оружия, с помощью которого Антоний завладел царством Великой Армении. Это мнение, бытующее в литературе уже давно, переросло в некий научный предрассудок, и никто обычно не задается вопросом—а чем оно обосновано? Действительно: ни в мифологии, ни в реальной военной практике лук и стрела не считались основным римским оружием. Эта роль приписывалась исключительно копью: им орудовали Юпитер, Марс, Квирин и другие боги в своих космо-творческих деяниях; им военачальники и легионеры добывали новые земли и славу Риму³⁵. Что касается лука и стрелы, то ими, как правило, пользовались вспомогательные силы легиона³⁶.

³³ Dio Cass. Hist. Rom. XLIX, 39, 2—4. Объективную оценку этих событий дает К. Тацит. Говоря о враждебности армян к Риму, он ищет ее причину в злом поступке Антония (*opes infidia ob scelus Antonii*) под личиной дружбы арестовавшего и бросившего их царя в оковы. Tacit. Ann. II, 3.

³⁴ Dio Cass. Hist. Rom. XLIX, 39, 4.

³⁵ Е. М. Штаерман. Квирин.—МНМ, т. 1, с. 631; она же. Марс. Юпитер.—МНМ. Т. 2, с. 119—120, 679—680; G. Wissowa. Religion und Kultur der Römer. München, 1902, s. 27—31; G. Dumézil. Jupiter, Mars, Quirinus. Paris, 1941, p. 59—66.

Весьма показателен следующий факт: уходя на войну, римские военачальники обязательно приходили в храм Марса и ритуально прикасались к его копью. По старинным поверьям, оно гарантировало победу. Verg. Aen. VII, 603.

³⁶ То, что символический текст армянской тиары с луком и стрелой не означал

Следовательно, традиционная интерпретация не базируется на реальных фактах. Ключ к символу лука и стрелы следует искать вне римской действительности.

Переходя к армянской культурной среде, нам следует констатировать непосредственную связь названного символа с достоинствами царской власти. Связь эта восходит к навасардовской традиции ашхаражохова, социальной инверсии и священной охоты. Она нашла отражение и в облике мифического первопредка армян Хапка—могучего исполина и искусного стрелка³⁷, от которого, согласно древним поверьям, происходили все армяне и, в первую очередь, их венчельносцы.

Другими словами, изображая под армянской короной лук и стрелу, Антоний тем самым подчеркивал свою благосклонность к армянским оппозиционным силам.

Об этом свидетельствует и другая символическая деталь. Она касается традиционных орлов на армянской тиаре. Их нет на рассматриваемом денарии. Может показаться, что факт этот противоречит тому, что было сказано об отношении Антония к армянской оппозиции. Но это далеко не так: дело в том, что вместо орлов на тиаре появились два восьмиконечных, правда, чуть меньше центрального, символа солнца. Иначе говоря, идея круговорота солнца (в соответствии с тремя космическими сферами) сохранена и вместе с ней сохранена также идея круговорота ашхаражохова и царской власти. То обстоятельство, что они передаются другим иконографическим языком, можно объяснить только лишь стремлением Антония нарушить традицию Арташесидов. Как показывают дальнейшие события, триумфир намечался лишить их армянского трона, предоставив его своему сыну от Клеопатры—Александр³⁸.

Именно в этом пункте диалог армянской оппозиции с Антонием не состоялся. Ей стало очевидно, что «освобождение Армении от злостного тирана» на самом деле не что иное, как ее подчинение римскому диктату. В такой ситуации, естественно думать, оппозиция стала склоняться на сторону царевича Арташеса, который, очевидно, не применул дать ей гарантии, что в случае своей победы и восшествия на престол восстановит прежние привилегии ашхаражохова.

К фактическому подкреплению этих наших построений мы вернемся чуть позже. А пока отметим, что, разочаровавшись в своих планах «мирного» покорения Армении, Антоний пошел на крутые меры: подавил попытку Арташеса организовать римлянам военное сопротивление и, разместив свои гарнизоны в ключевых стратегических пунктах Армении, с богатой добычей и пленным гарем вернулся в Египет. Артавазду II больше не суждено было видеть родную землю.

Так завершилась военная экспедиция 34 г. до н. э. Несмотря на победу, Антоний понимал, что осложнения в Армении еще впереди. Это

покорения Армении и что, желая выразить эту мысль, римляне должны были прибегнуть к другому средству передачи этой информации, подтверждается нумизматическим материалом 20—18 гг. до н. э. В это время, как известно, Армения была покорена Римом; выпущенная по этому поводу монета изображает армянскую тиару, рядом колчан со стрелами и лук в футляре. Все это обведено легендой ARMENIA CAPTA. *И. И. Унцгегян*. *Армянские монеты и медали Закавказья (I. В. ш. V—II. В. IV ст.)*. *Ереван, 1982, т. 95*.

³⁷ История епископа Себеоса. Ереван, 1939, с. 13.

³⁸ Plut. Ant. 54; Dio Cass. Hist. Rom. XLIX. 41.

и побудило его в следующем 33 г. до н. э. организовать новую военную экспедицию в Армению³⁹. Он окончательно расстался с идеей овладеть этой страной с помощью сил местной оппозиции. Собственно говоря, такой оппозиции уже не существовало: после Артавазда II противоборство с царской властью отодвинулось на второй план и первоочередной задачей стала борьба за сохранение государственного суверенитета Великой Армении.

Согласно античным авторам, в это же время Антоний встретился с атропатенским царем Артаваздом, который уже враждовал с Парфиси. Уступив ему некоторые восточные провинции Великой Армении, он добился от него поддержки своей политики, направленной на превращение этой страны в вассала Рима. Далее, усилив военное присутствие римлян в Армении, он возвратился в Египет. В ознаменование этих событий в 32 г. до н. э. триумvir выпустил новый денарий: на лицевой стороне последнего изображена голова Антония с легендой: ANTONI. ARMENIA. DEVICTA⁴⁰.

Как *dedition* («покоренные») армяне стояли перед угрозой потери государственной самостоятельности и подчинения экономическому, политическому и духовно-культурному диктату римлян. Но Антонию не суждено было реализовать этот курс с помощью устойчивых военно-административных механизмов. Назревало столкновение с Октавианом, и он все свое внимание приковал к западным делам.

Военное столкновение между Октавианом и Антонием, как известно, завершилось сражением при Акции (31 г. до н. э.), где последний потерпел сокрушительное поражение и удалился в Египет. Покинутый всеми, он покончил жизнь самоубийством. Но перед этим он успел предать смерти армянского царя.

Тем временем царевич Арташес с помощью армяно-парфянских сил начал освобождение Армении. Он перебил почти всех римских солдат, оставленных Антонием в стране. В завершение всего этого собрались армянские войска (= ашхаражохов) и возвели Арташеса на престол его предков. Именно этот факт мы имели в виду, говоря выше о возможном сближении оппозиции и царевича, после того как Артавазд II сошел со сцены армянской истории.

Эту важную деталь армянской истории конца 30-х гг. до н. э. сохранил для нас отец армянской истории Мовсес Хоренаци. Преемник Артавазда II у него фигурирует под именем Аршам: «В последний год правления Аршеза (Фраата IV), что был двадцать первый год его правления, собрались армянские войска и по его поручению возвели на престол Арждама или Аршама...»⁴¹ Другими словами, нарушенный при Артавазде II баланс между двумя социо-политическими структурами армянского общества был восстановлен благодаря усилиям Арташеса II. Он и определил относительное благоденствие армянского государства в ближайшие десять лет.

Подведем итоги. Ключ к пониманию «ребуса царя Артавазда» следует искать во внутривнутриполитической истории армянского общества: здесь сталкивались интересы двух противоположных социо-политических структур, призванных к жизни всем его предыдущим развитием.

³⁹ Dio Cass. Hist. Rom. XLIX, 44, 1--4.

⁴⁰ Խ. Ա. Մ ու լ յ է դ յ ա ն. Հ ա յ ա տ ա ն ի դ Ր ա մ ա կ ա ն դ ա ն ձ եր Ր. Է Գ 122. M. Sydenham. Op. cit., p. 194.

⁴¹ Մ ո լ յ ս ե ս Խ ո Ր է ն ա ց ի. Պ ա տ մ ո Ւ Թ ի ն Հ ա յ ո ց. II, 22.

Окрестить их как «проримская» или «пропарфянская» партии, как это принято делать, нам представляется неправомерным. Ориентация на ту или иную внешнеполитическую силу отражала только лишь тактическую сторону вопроса. Полосы могли меняться местами, и оппозиция могла даже сотрудничать с римлянами. Подобную ситуацию мы наблюдаем в начале I в. н. э., при восшествии Зенона-Арташеса на армянский престол

Но этих событий мы касаться не будем. Закончим, вспомнив слова К. Тацита, в которых, хотя и в негативных тонах, четко сформулирована позиция Армении: «...находясь между могущественными державами, армяне часто вступают с ними в раздоры, ненавистия римлян, завидуя парфянам (*adversus Romanos odio et in Parthorum invidia*)⁴².

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

1. МНМ—Мифы народов мира.
2. ТЭС—Труды по знаковым системам (Ученые записки Тартуского гос. ун-та).
3. НТ АГПИ—Сборник научных трудов АГПИ им. Х. Абовяна.
4. УЗТУ—Ученые записки Тартуского гос. ун-та (труды по философии).
5. ՀԱԲ—Հր. Աճառյան. Հայերեն արձատական բառարան:
6. ՀԺՊ—Հայ ժողովրդի պատմություն:
7. BAW—Bayerische Akad. der Wissenschaften (Philos.—hist. Klasse).
8. CPh—Classical philology.
9. IEW—J. Pokorny, Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch.
10. JIS—Journal of Indo-European studies.
11. REArm—Revue des études arméniennes.
12. YCS—Yale classical studies.

ԱՐՏԱՎԱԶԴ II-ի ՊԵՏԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՇՈՒՐՁ

Ա. Ա. ՍՏԵՓԱՆՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Մ. Բ. ա. II—I դդ. Հայաստանի ներքաղաքական վիճակը շատ բանով բնորոշվում էր երկու սոցիալ-քաղաքական ստրուկտուրաների պայթար-համակեցությունը: Առաջինը տոհմաց-դային ինքնարավ կենցաղն էր, երկրորդը՝ զարգացող քաղաքները, թագավորական, մասնատիրական և քրմական տնտեսությունները: Քաղաքական ասպարեզում այս պայթար-համակեցության երկու կողմերը ներկայացնում էին մի կողմից համազգային աշխարհաժողովը, մյուս կողմից՝ բացարձակության ձգտող թագավորական իշխանությունը: Տիրան II-ը հաջողությամբ կարողանում էր հավասարակշռել համակեցության նշված հակամետ կողմերը: Այդ բանը, սակայն, չհաջողվեց նրա որդուն՝ Արտավազդ II-ին: Բախումը թագավորի և աշխարհաժողովի միջև ողբերգական հետևանք ունեցավ. այն հնարավորություն տվեց հոռմեական, զորավար Մարկոս Անտոնինոսին առանց դիմադրության ձերբակալել և գերության տանել հայոց թագավորին և նրա ընտանիքի անդամներին: Գահ բարձրացած Արտաշես II-ը կարողանում է վերականգնել ուժերի հավասարակշռությունը թագավորական իշխանության և աշխարհաժողովի միջև:

⁴² Tacit. Ann., II, 56.